

ТЕЛЕЦ — ВЕКУ КОНЕЦ

Независимая газ. - 2001. - 31 мая. - С. 10.

СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ Канн не принес солнечного успеха последней картине Александра Сокурова «Телец». И немудрено. Ведь снят был фильм в прохладных и мутных пейзажах нашей средней полосы, что вряд ли когда-нибудь станет близким легкому европейскому видению. При всей каннской склонности к психологическому эстетизму историческое и национальное самокопание все-таки несвойственно этому организму.

Неизвестно, расстроила ли нашего киноклассика реакция зарубежного зрителя, но известно, что делал он кино для зрителя отечественного.

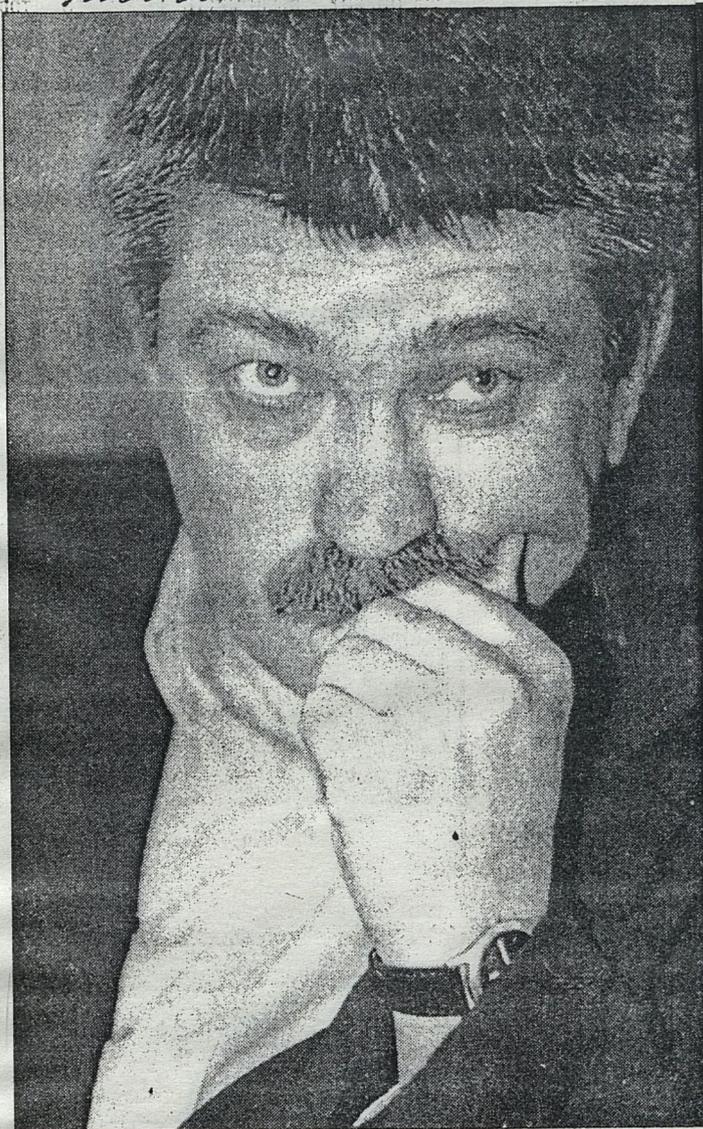
— Я благодарен тем, кто потрудился понять меня. Надо помнить историю и знать, что за всем стоит человек — за плохим и хорошим, низким и высоким. За всем стоит человек. Дьявола не существует.

— Вы сняли картину об известной личности, не называя при этом ее имени.

— Мы не назвали Ленина Лениным, но ассоциация должна была быть, очень точная ассоциация. Мы не показывали и именно последние минуты жизни Ленина. Важно было, чтобы зритель вспомнил о нем как о человеке.

— Будет ли продолжение сериала «Молох» — «Телец»?

— Да, «Телец» лишь вторая часть четырехглавой эпопеи. Следующая картина расскажет о событиях в Японии в 1945 году и жизни японской императорской семьи. Планирую и еще одно сложное повествование по мотивам произведений Гете. Размышления посвящены изучению психологии зла и его культивированию. Я и сам на все вопросы не готов ответить — надо снять все до конца. По-моему, зритель должен увидеть все четыре картины сразу, тогда он продвинется в проблеме.

Александр Сокуров.
Фото Сергея Иванова

Фильм «Телец» не будет участвовать в конкурсе «Кинотавра», который откроется в Сочи через пару дней. Там новые работы представят другие, не менее заметные режиссеры. Например, свой «Конец века» покажет Константин Лопушанский, автор нашумевших фильмов «Письма мертвого человека», «Посетитель музея», «Русская симфония». Его новый фильм тоже некоторым образом историчен.

— Константин Сергеевич, у меня такое впечатление, что как-то быстро начали реализовываться кинопроекты. Меньше двух лет назад мы с вами обсуждали идею этого фильма, который вы хотели посвятить концу века. И вот он готов.

— Вы, по-моему, издеваетесь надо мной. Этот фильм делался пять лет — от момента написания сценария и до первого просмотра.

— Для вас было принципиально, чтобы «Конец века» («Хроника смутного времени») вышел, как вышел, на рубеже веков?

— Это приятно, но я бы не сказал, что делал фильм к дате, потому что конец века не может быть датой. И астрономической переменной течения времени ничего не решить. Это скорее психологическая проблема, проблема некоей черты для нас всех, которая есть всегда, когда меняется мировоззрение, а это обычно совпадает со сменой века, тем более тысячелетия.

— В одной из главных ролей у вас занят Роман Виктюк. И очень пикантно выглядит его речь, посвященная театру и пьесе под названием «XX век».

— В этом есть определенная в хорошем смысле слова двусмысленность, которая мне была до-

рога. Когда Роман Григорьевич согласился сниматься в этой роли, я понял, что возникает новый подтекст. Ведь о жизни, игре и театре говорит не кто-то, а именно он, и связи и ассоциации возникают прямые. Большая удача и совпадение, что была возможность с ним работать.

— Что впереди, какое настроение?

— Выпустить картину, снятую в конце одного века, в жизнь в начале следующего. В такие времена все меняется — и век, и я меняюсь, и зритель это, надеюсь, увидит. Я сделал то, что считал в меру возможностей и таланта нужным, увидев одну из главных задач в пробуждении в людях чувства сострадания и желания хоть как-то нашу жизнь сделать добрее, немного подумать о тех, по которым движется огромное колесо истории в сторону предполагаемого нами прогресса. А оно очень часто движется по живым людям, и только слышен хруст костей невинно задавленных.

— Как бы вы определили принципы перехода из одного времени в другое, из одного пространства в другое?

— Сейчас, в конце века, у нас произошла очередная революция и так же, как в 1917 году, разделила людей, семьи. Это не политическая, а мировоззренческая проблема. Она включает весь комплекс представлений об искусстве, о стиле жизни, о времени, которое меняется. Иногда оно меняется эволюционно и вежливо. Иногда с баррикадами, кровью и стрельбой. И то, что наша гражданская война была всего три дня, а после 17-го — четыре года, мало что меняет. Все равно — это раскол и смена эпох.

Аполлон МУСАЕВ

Константин Лопушанский